

Лев Давидович Троцкий

Преступления Сталина

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 93
ББК 63.3

Лев Давидович Троцкий

Преступления Сталина / Лев Давидович Троцкий – М.: Книга по Требованию, 2011. – 262 с.

ISBN 978-5-4241-1968-2

Книга была написана Троцким в 1937 г. Тогда же издана на основных европейских языках. На русском языке публикуется впервые. Она представляет собой ответ Троцкого на те обвинения, которые были выдвинуты против него на открытых московских процессах 30-х годов. Текст подготовлен по рукописи, хранящейся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (США).

Для преподавателей и студентов вузов, а также широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4241-1968-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Троцкий Лев Давидович
Преступления Сталина

Лев Давидович Троцкий
Преступления Сталина
Под редакцией
Ю. Г. Фельштинского

Книга была написана Троцким в 1937 г. Тогда же издана на основных европейских языках. На русском языке публикуется впервые. Она представляет собой ответ Троцкого на те обвинения, которые были выдвинуты против него на открытых московских процессах 30-х годов. Текст подготовлен по рукописи, хранящейся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (США).

Для преподавателей и студентов вузов, а также широкого круга читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Фельштинский. От редактора

Предисловие

В "социалистической" Норвегии

При закрытых дверях

Через океан

Зиновьев и Каменев

Почему они каются в несовершенных преступлениях?

"Жажда власти"

"Ненависть к Сталину"

Посылка "террористов" из-за границы

В Мексике

Речь на митинге в зале ипподрома, в Нью-Йорке

Вступительное показание для Комиссии расследования московских процессов

Почему необходимо расследование?

Допустимо ли расследование политически?

Экспертиза профессора Чарльза А. Бирда

"Чисто юридическая" экспертиза

Автобиография

Мое "юридическое" положение

Три категории доказательств

Политическая база обвинения: терроризм

Убийство Кирова

Политическая база обвинения: саботаж

Политическая база обвинения: союз с Гитлером и микадо

Копенгаген

Радек

"Свидетель" Владимир Ромм

Полет Пятакова в Норвегию

Что опровергнуто в последнем процессе?

Прокурор-фальсификатор

Теория "маскировки"

Почему и зачем эти процессы?

Сталин о своих подлогах

Приложения

Термидор и антисемитизм

Президенту Комиссии социалистического фронта адвокатов
В Комиссию расследования. Господин Бильс как свидетель
В Комиссию расследования
Расстрел полководцев
В Комиссию расследования в Нью-Йорке
Письмо С. Лафолет
Бертрам Вольф о московских процессах
Великий вердикт
Новый процесс
Восемь министров
Как велось следствие перед третьим процессом
Новый московский процесс
Четыре врача и три жертвы
Заявление
Тайный союз с Германией
Вниманию мыслящих людей
Заявление в "Геральд Трибюн"
Заявление агентству "Гавас"
"Миллион долларов"
Почему так много центров? Почему все центры подчиняются Троцкому?
Новый ход событий
Анахронизмы
Юридической секции секретариата Лиги Наций
Примечания
ОТ РЕДАКТОРА

Книга "Преступления Сталина" написана Троцким в 1937 г. Тогда же она была издана на основных европейских языках, но на русском языке не публиковалась. Сам Троцкий в августе 1940 г. был убит по приказу Сталина. Его смерть, последовавшая вскоре после окончания московских процессов, стала своеобразным эпилогом к проведенным в СССР партийным чисткам.

С тех пор прошло более пятидесяти лет. Книга потеряла былую политическую остроту и стала историческим документом, написанным рукой "репрессированного" большевика. Можно считать ее ответом на обвинения, выдвинутые на московских процессах против Троцкого. Сам Троцкий, пройдя через высылку, гибель детей и друзей, через отречение единомышленников, оказавшихся свидетелем уничтожения всей "ленинской гвардии", не только не разочаровался в коммунистических идеалах, но и до конца своих дней был убежден в том, что не сделал в жизни ни одной ошибки. Не чувствовал он себя и ответственным за происходящее в Советском Союзе, вину во всем "сталинскую бюрократию", хотя роль Троцкого в укреплении коммунистического режима в СССР была сравнима только с ролью Ленина. И даже карательная система, используемая Сталиным во время московских процессов, была сооружена еще при жизни Ленина и при активном участии Троцкого.

Русская революция не знала более блистательного революционера и более слабого тактика. Троцкий не смог переиграть созданной им же самой системы и отдал ей на погибель себя, свою семью и всех "ленинских гвардейцев". Революция пожирала своих детей. Одним из них был Троцкий. Когда-то второй в госу-

дарстве человек, он метался, как загнанный зверь, спасаясь от системы, теперь не контролируемой никем, даже Сталиным.

Уже многие годы ощущение полного бессилия не покидало Троцкого. Он писал бесконечные статьи, публикуя их в социалистической, а иногда и в "буржуазной" прессе, но они встречали сочувствие лишь горстки его последователей. Эмиграция не принесла ему освобождения. В алма-атинской ссылке он, по крайней мере, не опасался за свою жизнь. В эмиграции -- каждый день ожидал покушения. Запад принял его холодно, даже враждебно. Самые гуманные принципы западных демократий отступали перед подрывной коммунистической деятельностью,

направленной на уничтожение того самого западного общества, у которого Троцкий надеялся теперь получить политическое убежище. И даже из тактических соображений не соглашаясь умолчать об основной своей цели -- мировой коммунистической революции -- Троцкий совершенно искренне не мог понять, почему Запад отказывается разрешить ему беспрепятственно проживать в Европе.

Даже высылка в Мексику Троцкого не образумила. Он томился в Койоакане как в заточении, в полном отрыве от реальности и погиб в результате покушения агента НКВД. Его блистательная победа 1917 года обернулась поражением. Троцкий умер тем, кем он был всегда -- революционером, не считающимся с действительностью, прежде всего с самой простой истиной-- что людям свойственно желание жить и любить, а не умирать и ненавидеть.

"Преступления Сталина" печатаются по рукописи, хранящейся в Архиве Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (фонд bMs Russ 13 T). Русское издание книги "Преступления Сталина" отличается от иностранных. Из него исключено несколько главок, публиковавшихся ранее в периодической прессе и, следовательно, уже введенных в научный оборот. В каждом конкретном случае такие сокращения оговорены в примечаниях, данных в конце книги. В то же время в виде приложений в книге использованы статьи, письма и показания Троцкого, хранящиеся в архиве и касающиеся открытых процессов 1937--1938 годов. Все приложения подобраны редактором, даются в хронологическом порядке и на русском языке публикуются впервые.

Материалы печатаются с любезного разрешения администрации отдела рукописей Хогтонской библиотеки Гарвардского университета, где находится Архив Троцкого.

Юрий Фельштинский

ПРЕДИСЛОВИЕ

В период своего подъема революция могла быть грубой и жестокой, но она была правдива. Она открыто говорила то, что думала. Политика Сталина¹ лжива насквозь. В этом выражается ее реакционный характер. Реакция вообще лжива, ибо вынуждена скрывать свои действительные цели от народа. Реакция на фундаменте пролетарской революции лжива вдвойне. Можно сказать без всякого преувеличения, что термидорианский режим Сталина является самым лживым режимом в мировой истории. Вот уже в течение четырнадцати лет автору этих строк суждено служить главной мишенью термидорианской лжи.

До конца 1933 года московская пресса, а следовательно, и ее тень -пресса Коминтерна -- изображали меня британским и американским агентом и даже

именовали меня "мистер Троцкий"². В "Правде" от 8 марта 1929 года целая страница посвящена доказательству того, что я являюсь союзником британского империализма (тогда он еще не назывался в Москве "британской демократией"), причем устанавливалась моя полная солидарность с Уинстоном Черчиллем³. Статья заканчивалась словами: "Ясно, за что платит ему буржуазия десятки тысяч долларов!" Дело шло тогда о долларах, не о марках⁴.

2 июля 1931 года та же "Правда" при помощи грубо подделанных факсимиле, о которых она сама поспешила забыть на следующий день, объявила меня союзником Пилсудского⁵ и защитником насильнического версальского мира⁶. В те дни Сталин боролся не за статус-кво, а за "национальное освобождение" Германии. В августе 1931 года "теоретический" орган французской компартии "Каю дю Большеизм" обличал "трогательный единый фронт", который установился между "Блюмом⁷, Полем Бонкуром⁸ и французским генеральным штабом, с одной стороны, и Троцким -- с другой". Я оставался, таким образом, крепко привязан к странам Антанты!

24 июля 1933 года, то есть после окончательного воцарения Гитлера⁹ в Германии, я въехал через Марсель во Францию благодаря визе, полученной мною от правительства Даладье¹⁰. Согласно ретроспективным "разоблачениям" недавних московских процессов, я был уже в те дни агентом Германии и занимался подготовкой мировой войны с целью разгрома СССР и Франции. На процессе Радека¹¹--Пятакова¹², в январе 1937 года, было, в частности, "установлено", что как раз в конце

июля 1933 года я встретился в Буа де Булонь с корреспондентом ТАСС Владимиром Роммом¹³, чтобы через его посредство привлечь русских троцкистов к союзу с Гитлером и микадо¹⁴. Но "Юманите"¹⁵ ничего этого не подозревала: как раз в день моего приезда во Францию она опубликовала статью, разоблачавшую мой тайный союз с правительством Даладье. Прикрывая интриги белой эмиграции и приглашая Троцкого, писал орган Сталина--Кашена¹⁶--Тореза¹⁷, "французская буржуазия обнажает свою истинную политику в отношении Советского Союза: переговоры по необходимости, улыбки по нужде, но за кулисами -- помощь и поддержка всем саботажникам, интервенционистам, конспираторам, клеветникам и ренегатам революции... Из Франции, из этого очага антисоветской борьбы, он может атаковать СССР... Стратегический пункт! Вот почему прибывает г. Троцкий".

Все позднейшие формулы прокурора Вышинского¹⁸ налицо: конспирация, саботаж, подготовка интервенции. Но есть разница: преступной деятельностью я занимался в союзе с французской буржуазией, а не с германским фашизмом.

Может быть, однако, злополучная "Юманите" была попросту не в курсе дела? Нет, парижский орган Сталина правильно отражал взгляды работодателя. Тяжеловесная мысль московской бюрократии никак не хотела покидать старой орбиты. Союз с Германией, независимо от ее государственной формы, считался аксиомой внешней политики Советов.

13 декабря 1931 года Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом заявил: "Если уж говорить о наших симпатиях к какой-либо нации, то, конечно, надо говорить о наших симпатиях к немцам... Наши дружественные отношения к Германии остаются такими же, какими были до сих пор". Сталин имел неосторожность прибавить: "Имеются политики, которые сегодня обещают или

заявляют одно, а на следующий день либо забывают, либо отрицают то, о чем они заявляли, и при этом даже не краснеют. Так мы не можем поступать".* Правда, это было еще в эпоху Веймарской республики. Но победа фашизма вовсе не изменила московского курса. Сталин делал все, чтобы заслужить благорасположение Гитлера.

4 марта 1933 года правительственные "Известия" писали, что СССР является единственным государством, которое не питает враждебных чувств по отношению к Германии, и "это не зависимо от формы и характера германского правительства".

Парижский "Ле Тан" отмечал, со своей стороны, 8 апреля 1933 года: "В то время как приход Гитлера к власти живо занимал европейское общественное мнение и вызывал всюду обильные комментарии, московские газеты хранили молчание".

* Эти цитаты взяты из официального советского издания: "Ленин и Сталин о советской конституции", стр. 146, 147.

Сталин пытался купить дружбу победителя, повернувшись спиной к немецкому рабочему классу.

Общая картина, таким образом, ясна. В тот период, когда я, согласно позднейшей, ретроспективной версии, занимался организацией сотрудничества с Гитлером, печать Москвы и Коминтерна изображала меня агентом Франции и англосаксонского империализма. В германо-японский лагерь я был перечислен лишь после того, как Гитлер оттолкнул протянутую руку Сталина и заставил его вопреки первоначальным планам и расчетам искать дружбы "западных демократий". Обвинения против меня были и остаются лишь отрицательным дополнением дипломатических поворотов Москвы. Перемены моей политической ориентации происходили каждый раз без малейшего участия с моей стороны. Однако между двумя прямо противоположными и в то же время вполне симметричными версиями клеветы есть серьезная разница. Первая версия, превращавшая меня в агента бывшей Антанты, имела преимущественно литературный характер. Клеветники клеветали, газеты распространяли отраву, но Вышинский еще не выходил из тени. Правда, ГПУ и тогда уже время от времени расстреливало отдельных оппозиционеров, приписывая им то саботаж, то шпионаж (в пользу Англии или Франции!). Но дело шло пока еще о малозаметных лицах, расправа проходила за кулисами, в порядке скромных опытов. Сталин только дрессировал еще своих следователей, судей и палачей. Понадобилось время, чтобы довести бюрократию до такой степени деморализации, а радикальное общественное мнение Европы и Америки до такой степени унижения, когда стали возможны грандиозные судебные подлоги против троцкистов.

Все этапы этой подготовительной работы можно проследить ныне с документами в руках. Сталин не раз наталкивался на внутренние сопротивления и несколько раз отступал, но каждый раз для того, чтоб придать своей работе более систематический характер. Политическая цель состояла в том, чтобы создать автоматическую гильотину для всякого противника правящей клики: кто не за Сталина, тот наемный агент империализма. Это -- грубая схематизация, приправленная личной мстительностью, вполне в духе Сталина. Он, видимо, ни на минуту не сомневался, что "добровольные признания" его жертв убедят весь мир в подлинности обвинений и тем самым раз навсегда решат проблему неприкосно-

венности тоталитарного режима. Оказалось, не так. Процессы повернулись против Сталина. Причина -- не столько в грубости подлога, сколько в том, что тиски бюрократии стали окончательно невыносимы для развития страны. Под напором растущих противоречий Сталину пришлось изо дня в день увеличивать радиус подлогов. Кривой чистке не видно конца. Пожирая собственные ряды, бюро

кратия неистово кричит о бдительности. В ее криках слышится подчас вой смертельно раненного животного.

Напомним еще раз, что во главе списка изменников стоят все члены Политбюро эпохи Ленина¹⁹ -- за вычетом одного Сталина, -- в том числе: бывший руководитель обороны в эпоху гражданской войны; два бывших руководителя Коммунистического Интернационала; бывший председатель Совета народных комиссаров; бывший председатель Совета труда и обороны; бывший глава советских профессиональных союзов. Далее следует ряд членов Центрального комитета и правительства. Фактический руководитель промышленности Пятаков стоял, оказывается, во главе саботажа; заместитель народного комиссара транспорта Лифшиц²⁰ оказался агентом Японии и организатором железнодорожных крушений; главный страж государственной безопасности Ягода²¹ -- гангстером и изменником; заместитель народного комиссара по иностранным делам Сокольников²² -- германо-японским агентом, как и главный публицист режима Радек. Мало того: вся головка Красной армии состояла на службе врага. Маршал Тухачевский²³, которого недавно посылали в Англию и Францию для ознакомления с военной техникой дружественных стран, продавал поведанные ему секреты Гитлеру. Политический руководитель армии Гамарник²⁴, член ЦК, оказался предателем. Военные представители Франции, Великобритании и Чехословакии совсем недавно отдавали дань украинским маневрам, которыми руководил Якир²⁵. Оказывается, что Якир готовил захват Украины Гитлером. Генерал Уборевич²⁶, страж западной границы, собирался сдать врагу Белоруссию. Два бывших начальника военной академии, генерал Эйдеман²⁷ и генерал Корк²⁸, заслуженные полководцы гражданской войны, готовили своих воспитанников не для победы, а для поражения Советского Союза. В измене обвинены десятки менее известных, но крайне значительных военачальников. Все эти разрушители, саботажники, шпионы, гангстеры выполняли свою работу не день, не два, а ряд лет. Но если Ягода, Пятаков, Сокольников, Тухачевский и пр. были шпионами, куда годятся Сталин, Ворошилов²⁹ и другие "вожди"? Какую цену имеют призывы о бдительности, исходящие от Политбюро, которое само обнурило лишь глупость и слепоту?

Из последней "чистки" режим вышел настолько оскрамленным, что органы мировой печати серьезно занялись гаданиями, не впал ли Сталин в безумие. Слишком простое решение вопроса! Сперва считалось, что Сталин оказался победителем, благодаря исключительным качествам своего интеллекта. Когда же рефлекс бюрократии принял конвульсивный характер, вчерашние почитатели "вождя" начинают спрашивать себя, не сошел ли он с ума. Обе оценки ложны. Сталин не "гениален". В подлинном смысле слова, он даже не умен, если под умом

понимать способность охватывать явления в их связи и развитии. Но он и не сумасшедший. Волна термидора подняла его наверх. Он сам поверил, что источ-

ник его силы в нем самом. Но каста выскочек, провозгласившая его гением, в короткий срок разложилась и загнила. Стране Октябрьской революции необходим другой политический режим. Положение правящей клики не оставляет более места для разумной политики. "Су-масшествие" не в Сталине, а в исчерпавшем себя режиме. В этом объяснении нет, однако, и тени морального оправдания Сталина. Он сойдет со сцены как наиболее запятнанная фигура в человеческой истории.

* * *

Эта книга писалась в несколько приемов и в разной обстановке. Первоначально она должна была служить ответом на процесс Зиновьева³⁰--Каменева³¹ (август 1936 г.). Но работа была прервана в самом начале интернированием автора в Норвегии.

Вернуться к работе удалось лишь на танкере, пересекавшем Атлантический океан. Но не успел я по приезду в гостеприимную Мексику заняться приведением в порядок своих рукописей, как разразился процесс Пятакова--Радека, который требовал самостоятельного разбора. Одновременно с литературной критикой московских подлогов пришлось заниматься подготовкой материалов для юридического расследования, организованного нью-йоркским "Комитетом защиты Троцкого"³². Значительная часть моей книги превратилась в речь перед следственной Комиссией, прибывшей в апреле этого года из Нью-Йорка в Мексику для заслушания моих объяснений.

Наконец, когда я готовился сдать последнюю часть рукописи, из Москвы пришли телеграммы об аресте и расстреле восьми наиболее выдающихся генералов Красной армии.

Построение книги отражает, таким образом, ход событий. Прибавлю еще, что, когда писались эти страницы, я десятки раз вынужден был отдавать себе отчет в том, насколько скудна гамма наших чувств и насколько беден наш словарь в сравнении с грандиозностью тех преступлений, которые совершаются ныне в Москве!

Койоакан, 5 июля 1937 г.

В "СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ" НОРВЕГИИ

Почти полтора года, с июня 1935 по сентябрь 1936-го, мы прожили с женой в норвежской деревне Вексал, в шестидесяти километрах от Осло, в семье редактора рабочей газеты К. Кнудсена. Место жительства нам было с самого начала указано норвежским правительством. Наша жизнь протекала как нельзя более размеренно и мирно, можно было бы сказать, мелкобуржуазно. К нам скоро привыкли. Отношения с окружающим населением установились почти безмолвные, но вполне дружественные.

Раз в неделю мы вместе с семьей Кнудсен посещали ближайший кинематограф, где показывались позапрошлогодние сенсации Голливуда. Изредка нас посещали, преимущественно летом, иностранные друзья -- в большинстве деятели левого крыла рабочего движения. Жизнь мира мы подслушивали по радио: этим волшебным и несносным инструментом мы начали пользоваться не больше как три года тому назад. Больше всего мы поражались, слушая административные разговоры советских бюрократов. Эти люди чувствуют себя в эфире, как у себя дома. Они повелевают, грозят, бранятся, не соблюдая элементарной осторожности в отношении государственных секретов.

Враждебные штабы извлекают, несомненно, наиболее ценную информацию из откровенности больших и малых советских "вождей". И все это творится в стране, где человек, заподозренный в оппозиции, рискует немедленно быть обвиненным в шпионаже!..

Центральным моментом каждого дня в Вексале было получение почты. Около часу пополудни мы нетерпеливо поджидали инвалида-почтальона, который доставлял нам -- зимой на салазках, летом на велосипеде -- тяжелую пачку газет, и писем с марками всех частей света. Наша необычная корреспонденция причиняла немало бессонных ночей не только полицеймейстеру Хонефоса, маленького соседнего городка с четырехтысячным населением, но и самому социалистическому правительству в Осло, о чем мы узнали, однако, лишь позже.

Как мы попали в Норвегию? Об этом необходимо сказать несколько слов. Норвежская рабочая партия принадлежала раньше к Коминтерну, потом порвала с ним -- не только по вине Коминтерна, -- но не вошла и во Второй Интернационал, как слишком для нее будто бы оппортунистической. Когда партия

(в 1935 г.) стала у власти, над ней тяготел еще ее вчерашний день. Я поспешил обратиться в Осло за визой, надеясь, что смогу в этой спокойной стране без помех заниматься своей литературной работой. После некоторых колебаний и трений на верхах партии правительство согласилось впустить меня в страну. Условие насчет "невмешательства во внутреннюю жизнь" и пр. я подписал без затруднений, так как отнюдь не собирался заниматься норвежской политикой.

При первом соприкосновении с верхами партии на меня пахнуло духом затхлого консерватизма, который так беспощадно обнажен в драмах Ибсена³³. Центральный орган партии "Арбайтербладет" ссылается, правда, не на Библию и не на Лютера³⁴, а на Маркса и Ленина, но остается насквозь пропитан той филистерской ограниченностью, к которой Маркс и Ленин питали непреодолимое отвращение... "Социалистическое" правительство главную свою амбицию полагало в том, чтоб как можно меньше отличаться от своих реакционных предшественников. Вся старая бюрократия оставалась на своих местах. К худу или к добру? Мне пришлось вскоре убедиться на своем горьком опыте, что иные из буржуазных чиновников обладают более-широким горизонтом и более высоким чувством собственного достоинства, чем господа "социалистические" министры. Если не считать полуофициального визита, нанесенного мне вскоре по моем приезде вождем партии Мартином Транмелем³⁵ и министром юстиции Трюгве Ли³⁶, у меня с правительственными верхами не было никаких личных отношений.

С низами партии я также почти не встречался, чтобы не вызывать подозрений во вмешательстве в политику страны. Мы жили с женой, как уже сказано, крайне изолированно и не видели особых оснований жаловаться на это. С семьей Кнудсен у нас установились очень дружественные отношения, из которых политика была, по молчаливому взаимному соглашению, совершенно исключена.

В промежутках между приступами болезни я работал над книгой "Преданная революция"³⁷, в которой пытался выяснить причины победы советской бюрократии над партией, над Советами, над народом и наметить перспективы дальнейшего развития СССР.

5 августа 1936 года я отправил первые экземпляры законченной рукописи американскому и французскому переводчикам. В тот же день мы отправились